

ВЛАДИВОСТОК – АМЕРИКА: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Ингемансон Биргитта,
просветитель, профессор Вашингтонского государственного университета, известный ученый-славист, специалист по русской литературе и русскому кино, член Русского географического общества, автор-составитель книг «Элеонора Прей. Письма из Владивостока: 1894-1930», «Солнечный дворик»

Родилась я в Стокгольме и ещё в детстве усвоила один урок. У моего отца было много работы, и я почти не видела его. И вот однажды на весенней воскресной прогулке, куда отец пригласил не маму, не сестру, а именно меня, что очень вдохновляло, поскольку папа был очень красивый, и я хотела, чтобы все его видели вместе со мной, мы проходили по мосту, и я показала ему на корабли: «Папа, папа, посмотри, вон эти ужасные русские!» И вдруг отец резко высвободил свою руку и сказал мне с чувством: «Никогда так не говори! В Швеции есть всякие люди – ужасные и добрые, так и в Советском Союзе. В России есть хорошие люди и плохие, всегда надо с разных сторон смотреть на вещи». Со временем я ни раз обдумывала то, что сказал мой папа. Он интересовался политикой, будучи моряком, бывал в Одессе. Я не знаю, как он на самом деле относился к России, но одного он хотел точно, чтобы мы всегда думали, что мы говорим. И я давно уже придерживаюсь этого принципа, что всегда надо видеть вещи всесторонне, рассматривать их под разным углом. Этот подход и лежит в основе всей моей работы.

Первый раз я была во Владивостоке в апреле 1990 года, 26 лет назад, когда город был ещё закрытым. В то время я жила в маленьком городе в штате Вашингтон, и сюда мне пришлось лететь через Токио, где мы потом пересаживались на поезд до Ниигаты. Оттуда летели на самолёте до Хабаровска и только

потом, после ночёвки в этом городе, мы попали во Владивосток. Символично, что это было 22 апреля в день рождения Ленина. Погода была туманная, но мне очень понравился воздух Владивостока – немного солёный и мокрый. У меня с этим городом сразу же возникла какая-то внутренняя связь. А путешествие моё стало возможным только благодаря тому, что между моим американским университетом и ДВГУ тогда была программа по обмену студентами и преподавателями. 15 лет мы очень плодотворно работали в этом направлении, начиная с Виктора Васильевича Горчакова, а затем, продолжая с Владимиром Ивановичем Куриловым. Я очень любила изучать историю, и все люди, с которыми мы работали в наш самый первый раз, были очень хорошими и добрыми. До этого я уже много раз была в России, училась в Ленинграде, но здесь во Владивостоке было очень много нового для меня.

Я историк и литературовед, всегда любила писать, но никогда не думала, что буду вот так выступать в Географическом обществе этого города, и люди будут сидеть и слушать, что я говорю, будут так интересоваться моей работой.

С первых лет моей работы в этом городе я занималась исследованием в Научной библиотеке ДВГУ, в институте Истории, археологии и этнографии. «Работала» в том смысле, что я много-много читала и черпала всё интересное для себя. Мне нужно было и хотелось изучать историю этого города, и вот только лет через 6–7 после этого я впервые что-то узнала об Элеоноре Прей и её письмах. Это тоже был новый поворот в моих исследованиях.

Об Элеоноре Прей я впервые услышала от Бориса Алексеевича Дьяченко, с которым мы много бегали по городу, так как он никогда не ходил, а только бегал. И когда я вежливо просила его назначить мне встречу, он приглашал меня на прогулки, которые и оборачивались пятичасовыми пробежками по всему городу. Вот тогда я впервые услышала имя Элеоноры, а уже

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

потом – от Петра Фёдоровича Бровко, который тоже приезжал к нам в Америку работать по своим темам. Однажды он пришёл и попросил моей помощи. У него было письмо от русских к американке, был адрес, но не было конверта, и я пообещала ему отправить это письмо. Но поскольку письмо было написано по-русски, а эта женщина могла не знать этого языка, я его перевела на английский и сопроводила своей запиской, объяснив, почему я его читала. Отослала. А через несколько дней мне позвонила Патриция Сильвер – внучка Элеоноры Прей. Она оказалась той самой женщиной, для которой предназначалось письмо Петра Бровко. И мы проговорили с ней часа два. Ведь я как раз собиралась сюда во Владивосток и пообещала Патриции, что пройду по Почтовому переулку, чтобы пофотографировать бывший дом Смитов, где жила её бабушка.

Так вот и началось наше сотрудничество с внучкой Элеоноры Прей, которая сначала попросила совета, что ей делать с бабушкиными письмами. Мы обсуждали с ней разные темы, например, какой была жизнь американской женщины во Владивостоке через призму войн и революций и так далее. А через некоторое время она попросила меня поработать над письмами вместе с ней, чтобы мы запланировали список первых глав книги. Патриция хотела, чтобы были и исторические главы о войне русско-японской и первой мировой о начале советских времён на Дальнем Востоке. И я тогда предложила свои названия тем, рассказывающих о том, что происходило в жизни городского общества в те годы – как женщины работали, о дачной жизни и др.

Мы начали совместную работу, но она была очень медленная, поскольку я набирала все тексты на компьютере, в том числе и со старых их распечатков, выполненных на печатной машинке. Объединяла эти набранные тексты таким образом, чтобы можно было в них ориентироваться и находить нужное. Этот процесс вылился в годы, но параллельно мы уже начали работу и над самими главами. Так случилось, что муж Патриции Стюарт Сильвер – очень добрый человек, хирург, вдруг умер. Они вместе были почти 50 лет, и вот она осталась одна, ей стало пусто и очень

тяжело. И она сама уже не могла заниматься главами книги. Она тоже перенесла ряд операций, и ей стало трудно заниматься бабушкиными трудами. Я старалась поддерживать её и призывала к продолжению сотрудничества по главам, но Патриция уже не могла ничего писать, так как ей было очень горько. Поэтому я теперь уже сама готовила все главы первой книги, делала все необходимые сноски. Для меня работа была очень радостная, я получала от неё удовольствие, но она была очень долгой и упорной. И я поэтому никогда не думала, что после первой книги будут и ещё. Физически – это довольно тяжёлая работа. Часы летели незаметно, и они требовали от меня, чтобы я иногда отрывалась от работы, обслуживала себя – готовила, стирала, убирала, а не только неотрывно сидела за компьютером, погрузившись в мир Элеоноры Прей. Приходилось много обдумывать и перечитывать прежде, чем я начинала что-то писать. Даже родная сестра не понимала меня, почему я так упорно сижу и всё время о чём-то думаю. А я отвечала ей, что так надо, потому что это моя работа.

Я плодотворно сотрудничала с издательством «Рубеж» Александра Владимировича Колесова, с директором музея имени Арсеньева – тогда им был Владимир Николаевич Соколов – и затем – с Виктором Алексеевичем Шалаем. Этот наш треугольник и сейчас продолжает совместную работу. Колесов предложил мне издать один том избранных писем, куда должны войти самые лучшие из них, которые я должна отобрать. Я думала над этим, поскольку в библиотеке Конгресса США есть больше 2000 писем, и некоторые из них длинные, под сотню страниц. Так что выбрать лучшие из них не представлялось никакой возможности. Я предложила сделать три тома, посвящённых американке Элеоноре Прей, любившей далёкий российский город Владивосток. Первый том уже есть.

23 июня 1894 года моя героиня с мужем впервые вступила на землю Владивостока. Сама Элеонора расценивала это как большое событие – сквозь серый дождь она увидела эту «прекрасную», как она писала, бухту и навсегда понравившийся ей далёкий

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

российский город. Американка Элеонора Лорд Прей (1868–1954), уроженка Южного Бервика, прибыла из штата Мэн на Дальний Восток в июне 1894 года ещё молодой и восторженной женщиной, только что вышедшей замуж за одного из членов семьи Чарльза и Сары Смит, торговцев, владевших во Владивостоке «Американским магазином». Будучи талантливой и наблюдательной рассказчицей, все радости и превратности своей жизни в России Элеонора сумела превратить в увлекательное и красочное свидетельство стойкости и способности к выживанию. Практически ежедневно, а зачастую и по нескольку раз в день госпожа Прей писала и отправляла письма своим корреспондентам в Новую Англию, Европу и Китай. Это единственное в своём роде и уникальное эпистолярное наследие, собранное за 36 лет, насчитывает 16 тысяч страниц. Думаю, что Элеоноре здесь было даже интереснее жить, чем её мужу, который работал в конторе магазина сестры Сары Смит и её мужа Чарльза Смита. Братья Смиты – Оскар и Чарльз – жили во Владивостоке с его самых первых лет, начиная с 1860-х годов.

Элеонора всегда любила писать. У меня есть копии её писем, которые она отправляла, когда в юности была не в своём городе, а училась в интернате. «Иногда что-то грустное становится началом успеха», – так считала Элеонора. И этот принцип отлично сработал применительно к ней самой: у родителей, которым не хватало денег, чтобы она окончила своё интернатское обучение, и она доучивалась в школе своего родного городка, где и повстречала будущего мужа – Тэда. Теперь мы всю славу американского летописца Владивостока отдаём Элеоноре, но если бы не Тэд, который имел сестру – владелицу Американского магазина в этом городе, то не было бы для нас и самой Элеоноры. И Сары Смит тоже не было бы на этой далёкой окраине России, если бы не её муж Чарльз. Получилась такая хорошая цепочка, где все помогали друг другу. И такая взаимопомощь очень важна не только в жизни наших героев.

Кто из историков, работающих по какой-то теме, смог бы что-то сделать сам без помощи тех, кто уже работал над этим до

нас и до него? Я очень много читаю и очень часто вижу авторов, которые забывают об этом и думают, что это они сами смогли что-то написать. Почти всегда это далеко не так. Выдающиеся учёные – явление редкое, каждый человек, который пишет что-нибудь, делает это на фундаменте уже предыдущих научных исследований.

Мне кажется, что Элеонора лорд Прей стала здесь во Владивостоке своим человеком, и именно тут она, сама не осознавая этого, стала писательницей. Уже есть люди, которые сегодня буквально обожают её. Я сама далека от обожания, но вижу, что она настоящий человек – у неё были и слабости, и сильные стороны. И мне гораздо интереснее наблюдать за ней как за обыкновенным человеком, а не как за каким-то героем, хотя, конечно, она героически работала над своими письмами. Она писала их, потому что хотела, чтобы был мост между Владивостоком и её домом. И это слово «мост» – мне очень дорого: я люблю мосты и символическую идиллию, потому что они соединяют интересы и людей. Есть мост и в том месте, где Элеонора с Тедом родились и выросли. Район называется Новая Англия. Туда входят Массачусетс, Коннектикут, Нью-Гэмпшир, Мэн и другие штаты.

Элеонора родилась и выросла в маленьком городке, где даже нет мэра, который называется Бервик, в штате Мэн. А Тэд вырос в городе с мэром – это Сомерс, штат Нью-Гэмпшир. И между этими штатами бежит река, через которую есть мост. Как литературоведу мне интересен этот символ – мост между ними, между её письмами отсюда из Владивостока и этими городами, а, значит, и между нами: американцами – там и русскими – здесь.

Год назад я первый раз была там, в этих городках, встречалась с представителями исторических обществ и нашла дом Лордов, где Элеонора выросла. А также видела дом фермеров Преев, он тоже ещё сохранился с другой стороны реки. Люди там ничего не знали о Прях или Лордах. Они, конечно, знали, что эти дома старые, и всё. Я была только несколько дней и не успевала много сделать, но познакомилась с их историческими обществами

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

и, вернувшись домой, отправила тем людям, которые живут в этих домах, письма. Я не знала, получу ли отклик, но хотела знать больше о настоящих владельцах домов, чтобы мы смогли продолжить наше исследование и даже, возможно, создание документального фильма. И люди, которым я написала, проявили заинтересованность. Теперь уже между нами – исследователями – и ними возник ещё один мостик, и я снова побывала в тех местах в октябре месяце 2015 г. уже с Сергеем Майоровым и его командой, а также Любовью Кавериной, Виктором Шалаем. Целую неделю мы плотно работали, много было интервью и съёмок. Очень трогательная была церемония на кладбище, потому что все четверо – Фредерик, Чарльз, Сара и Элеонора – там похоронены в одном месте.

Я подготовила для этой церемонии целую программу с хорошей музыкой. Были на мероприятии школьники, которые хотели больше знать о своих городках, их истории и особенно людях. Участвовала в мероприятии и одна из сестёр Патриции со своей дочерью. Сама Патриция из-за возраста – ей уже почти 90 лет – была в больнице и не смогла приехать. С другой стороны родни у Элеоноры была сестра Клара, у которой есть внучка, которая тоже участвовала в церемонии. Выступал мэр, и я представляла каждого человека на этом мероприятии. На английском, а потом на русском читались стихи о Владивостоке, выступил с речью директор музея имени Арсеньева Виктор Шалай. Он привёз землю от дома Преев и Смитов из России, и мы положили её на могиле. Это было красиво и необычно, и многие были растроганы до слёз.

Хроника писем Элеоноры показывает, что сестра её мужа Сара с дочерью Доротти гораздо раньше неё перебрались жить в Шанхай, но каждое лето – до 1922 года – приезжали погостить во Владивосток. В апреле 1923 года умирает Тэд, но Элеонора всё равно не хочет уезжать из города, устраивается на работу переводчицей в торговом доме Кунст и Альберс. Но в 1930 году из-за высоких налогов и этот магазин закрывается, и Элеонора окончательно вынуждена уехать. При этом она начинает осваивать

другой жанр – пишет рассказы, но они совсем уже не то, что её письма. Прямые и откровенные письма она легко и быстро писала, так же быстро, как она говорила. Её письма – очень живые свидетельства её мира, а рассказы – уже нет. Она их очень много редактировала, хотела, чтобы был стиль, как в популярной литературе того времени, и у неё это не очень получалось. Хотя сами факты в рассказах тоже довольно интересные. 9 декабря 1930 года, в день, когда Элеонора на пароходе уезжала из Владивостока, она начала писать эссе, подлинник которого хранился в коробке, преданной мне Патрицией. Я выбрала немного из этого эссе, чтобы включить во второй том книги с её письмами. Там есть её глубокие переживания по поводу того, что она уже никогда не увидит родную ей сопку, в нём передан дух самого момента прощания со счастливой эпохой в Доме Смитов. Описано, как она ходила по дому и целовала каждую его дверь. Человек навсегда расставался с этим городом, со своим счастливым прошлым, через эссе видно, как тяжело Элеоноре было всё это писать, как она плакала, покидая ставший родным ей город.

Я надеюсь, что второй том истории Элеоноры появится весной 2017 года. Какое-то время она жила у дочери в Шанхае, где была и Сара. Письма 1931 года по-прежнему хорошо написаны, но уже, в отличие от писем из Владивостока, в них нет той живой радости. Ей было трудно без Владивостока. В декабре 1941 года Японией было совершено нападение на Пёрл Харбор, все американцы в Шанхае были помещены японцами в специальные лагеря и их обменивали на японских военнопленных. В это время умирает Сара, которая была очень добрым, мягким и правдивым человеком и духовно поддерживала Элеонору. И после лагеря, оставшись без Сары, Элеонора и Доротти с мужем и четырьмя дочерьми возвращаются в Калифорнию, в Новую Англию. Элеонора наивно думала тогда, что по возвращению в город детства она сможет жить вместе со своей сестрой. Но даже просто читая её письма, понимаешь, что это было уже невозможно. За время своего проживания в России Элеонора превратилась в

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

экзальтированное существо, которое привыкло к общению с русскими адмиралами, посещению балов Владивостокской эскадры, знакомству с незаурядными людьми и так далее. А сестра Клара одна работала на кухне, её мама и папа ослепли, и она, читая им письма Элеоноры, понимала, что у той много китайских кули и японских ама, которые всё делают по дому и помогают ей с домашним хозяйством. Иногда Элеонора писала родителям, как трудно ей управляться с этими многочисленными кули, и что она хотела бы вместо них всё это делать сама. А Клара и без того работала одна, у неё не было повара или прислуги. Конечно же, сёстры любили друг друга, но они и мало понимали друг друга, слишком разные были у них жизни. Элеонора уже немного забыла, какая жизнь была у неё дома, хотя и старалась иногда показывать в письмах, как она понимает Клару. Конечно же, они не смогли по возвращению Элеоноры быть дома вместе, и та переезжает к Доротти в Вашингтон. Её дочь к этому времени была замужем за дипломатом (первый муж умер). Здесь-то вкусившая русского духа американка уходит в мир иной. Внезапно за завтраком останавливается её сердце. Её прах вместе с урнами Теда, Сары и Чарльза тоже похоронили в Новой Англии.

Интересно, что владельцы дома, где росла Элеонора, нашли ещё саквояжи с документами, которые могут представлять для нас большой интерес. В одном из них, уже точно известно, есть материалы о её бабушке. И всё это в ближайшее время они передадут нам с Виктором Шалаем, чтобы мы смогли включить и эти воспоминания в материалы нашего исследования.

Ряд владивостокских журналистов и краеведов, включая Бориса Льяченко, Тамару Калиберову и Амира Хисамутдинова, сделались первопроходцами, извлекаящими из архива сведения о купцах, учёных и деятелях культуры дореволюционной поры. Историки, среди которых Л.В. Александровская, Е.В. Васильева, Э.В. Ермакова, Н.Г. Мизь и И.Г. Стрюченко, тоже начали публиковать биографические очерки, посвящённые людям, внёсшим значительный вклад в развитие города, но бывшим прежде «персонами нон-гранта». Два выпуска таких очерков были

выразительно названы «Забытые имена» и «Страницы забытой истории». Были выпущены обновлённые путеводители по Владивостоку и Приморскому краю, а в музеях и библиотеках выставлены уникальные фотографии и материалы.

Каждая глава моей книги «Письма из Владивостока» самостоятельна сама по себе, их можно читать и по отдельности, а необходимая информация, поясняющая содержание, имеется во введении к каждой главе, а также в сносках, которыми снабжены все разделы. Все главы «Писем из Владивостока» подчиняются одному общему замыслу – дать портрет Владивостока. Величайшим подарком судьбы явились для меня не только Элеонора Лорд Прей с сотнями своих писем, но и многочисленные коллеги, друзья и знакомые, которые помогли мне открыть окна и двери Владивостока, проложив тем самым путь к сердцу города. В течение одиннадцати поездок, начиная с 1990 года, я испытывала на себе знаменитое дальневосточное гостеприимство, неподдельный интерес и готовность помочь, которые так живо описывала госпожа Прей и благодаря которым я стала чувствовать себя в городе как дома, словно я и в самом деле ещё один член его семьи. За это отношение, за то, что каждая моя поездка во Владивосток согревает меня и обогащает как в личном плане, так и в профессиональной деятельности, даёт мне вдохновение и открывает новые горизонты в моей жизни, я испытываю глубокую благодарность и искреннюю признательность.

На встрече в Приморском краевом отделении Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, г. Владивосток, 2016 г.